

Екатерина Пантелеева

студентка I курса факультета Гуманитарных Технологий
университета Высшая Антропологическая Школа

АНАЛИЗ ГИПОТЕЗЫ ОБ АНТИКОНФУЦИАНСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПОЭМЫ «ТЯНЬ ВЭНЬ» ЦЮЙ ЮАНЯ

Panteleeva E. Analysis of Hypothetical Anti-Confucian Character of the Poem “Tian Wen” by Qu Yuan.

Analyzing the problem of origin of an ancient Chinese mythological hero Hunter Yi (Romanchuk, Panteleeva 2007, 2007a) it is necessary to touch upon the poem “Tian Wen” by Qu Yuan. In scientific literature this poem is considered to be anti-Confucian. And as long as Hunter Yi is criticized there, it is possible to assume that he belongs to Confucian tradition. The author of this study verifies the anti-Confucian hypothesis proceeding from the poem as a whole. A thorough content analysis of “Tian Wen” enabled a conclusion that Qu Yuan does not argue with Confucians. He just sets a number of philosophical questions addressed to no concrete person or culture. That is why, the author concludes, this poem can not be regarded as evidence of Hunter Yi’s “central” culture origin.

Анализируя проблему происхождения древнекитайского мифологического героя Стрелка И (Романчук, Пантелеева 2007, 2007а), необходимо рассмотреть отдельно один из важнейших источников для решения этой проблемы — поэму Цюй Юаня «Тянь Вэнь».

Для начала — в чем заключаются проблема происхождения Стрелка И, и почему именно «Тянь Вэнь»?

Стрелок И — персонаж древнекитайской мифологии. С ним связан ряд ключевых мифов древнекитайской мифологии, в том числе миф о сбивании лишних солнц (Романчук, Пантелеева 2007; 2007а). В свете изменившихся за последние тридцать лет представлений о генезисе древнекитайской цивилизации, и в особенности — понимания того, что у ее истоков находился ряд крупных и весьма отличных локальных цивилизаций, в первую очередь цивилизации Чжоу — «центральной субтрадиции», ставшей колыбелью конфуцианства, и цивилизации Чу — «южной субтрадиции», породившей даосизм, возник вопрос: а к какой же из локальных

цивилизаций изначально восходил образ стрелка И?

На сегодняшний день было предложено чжоусское происхождение Стрелка И (Кравцова 1994). И одним из ключевых аргументов в пользу гипотезы о чжоусском происхождении Стрелка И стал тезис об антиконфуцианской направленности одного из главных источников сведений о Стрелке И — поэмы «Тянь Вэнь».

Прочитируем: «антиконфуцианская направленность поэмы, точнее — конкретно вопросов на историческую тему, очевидна. Но создается впечатление, что ее автор не просто полемизировал с конфуцианскими мыслителями, подвергая сомнению те или иные из их догм, а стремился опровергнуть идейные ценности всей чжоуской цивилизации» (Кравцова 1994: 147).

Идея М.Е. Кравцовой о направленности поэмы прежде всего против конфуцианства основана на антипатии Цюй Юаня к пропагандируемым чжоусцами героям Шуню и Яо. Если говорить конкретнее, то М.Е. Кравцова приводит ряд сюжетов, связанных с

Шунем и Яо, которые не соответствуют канонам конфуцианской традиции. (Кравцова 1994: 149). Такими сюжетами, по мнению исследовательницы, являются: женитьба Шуня без уведомления его собственных родственников; семья Шуня, которая не любила и всячески мучила будущего владыку Поднебесной; жестокость Яо к Гуню, которая разрушает «ореол его непогрешимости и добродетели» (Кравцова 1994: 147).

Из этой предпосылки, исследовательница делает вывод, что риторические вопросы поэмы, связанные со Стрелком И, являются аналогичной предыдущей антипатией «чуждого» автора к «чжоускому» герою.

В этой связи, прежде всего, мы считаем, что вывод об антиконфуцианской направленности поэмы может быть сделан только в том случае, если поэма в целом ему удовлетворяет. Нельзя, вырвав из контекста какую-либо часть поэмы, пытаться уловить идею Цюй Юаня. Поэтому мы попытались проверить гипотезу об антиконфуцианской направленности исходя из поэмы в целом.

После внимательного изучения поэмы, мы пришли к выводу, что «скептицизм» автора направлен не только на царство Чжоу, но и на иньских, сяских героев, на сюжеты, связанные с царством Чу, а также, на общефилософские догмы древнего Китая.

Риторические вопросы поэмы, затрагивающие чуждые сюжеты

Здесь представлены цитаты из поэмы, посвященные традиции Чу:

*Кто держит солнце и луну,
Кто звездам утвердил часы,
Дал выход солнцу из Тангу,
Заход – за скалами Мынсы?*

Этот же сюжет содержится в памятнике, восходящем к чуждой субтрадиции, Хуайнань-цзы: «Солнце восходит из Тангу, омывается в Озере Солнц, задевает Солнечную Шелковицу» (цит. по Кравцовой 1994: 164).

*Могла ли девять сыновей
Родить безмужняя Нюй-ци?*

Необходимо отметить, что нигде четко не утверждается, к какой традиции принадлежит мифологическая героиня Нюй-ци, но Юань Кэ говорит о ней, как о шаманке, которая держала в руках доску для рубки жертвенного мяса (Юань Кэ 1965: Гл.8. П.3). «Шаманизм» же считается присущим чуждой культуре (Кравцова 1994: 133-134). Таким образом, мы считаем правомерным определить данный сюжет в «чуждую» категорию.

*Всех гор превыше Куэньлунь! –
Где ж там садам Сяньпу дышать?*

Да, конечно же, нельзя отрицать наличие в поэме «Тянь Вэнь» «риторических» вопросов, касающихся героев царства Чжоу. Цюй Юань ставил под сомнение верность или правдоподобность поступков Шуня, Яо, Тай Бо, Чжу Юна, Чжао-вана, Му-вана, Бо Чана, У-вана. Но нельзя не заметить, что в поэме «Тянь Вэнь» также ставятся под сомнения и поступки иньских героев, таких как И Инь, Чжоу-ван, Чэн Тан и Ван Хай. Ряд вопросов Цюй Юань адресовал царству Ся – по поводу Юя, Цзе-вана, Цзяо и Шао Кана.

В целом, мы разделили риторические вопросы на шесть групп:

1. вопросы, затрагивающие чуждые героев;
2. общефилософские вопросы, критикующие, в основном, даосскую картину мира;
3. вопросы, относящиеся к царству Инь;
4. вопросы, относящиеся к царству Ся;
5. вопросы, затрагивающие чжоуских героев.

7. вопросы, касающиеся общекитайских героев, не поддающихся классификации по принадлежности к той или иной территории.

Но особо интересными для нас являются первая и вторая группы. Анализ данных групп мы представим в более развернутом варианте, приведя часть из наиболее выразительных отрывков поэмы, относящихся к этим группам.

Куньлунь – гора, являющаяся географическим обозначением Сакрального Центра чуждцев (Кравцова 2003: 180). Именно там росли висячие сады Сюаньпу (Рифтин 1992: 28-29). Впрочем, М. Е. Кравцова полагает, что Цюй Юань здесь сомневается в чжоуском синкрете (Кравцова 1994: 193) – к горе Куньлунь чжоусцами были добавлены сады Сюаньпу, и именно это и вызвало несогласие Цюй Юаня. Но контекст упоминания садов Сюаньпу в другой поэме Цюй Юаня, «Лисао» (Строфа 95) (Кравцова 1994: 141), не оставляет сомнений – Сюаньпу есть именно чуждая мифологема.

Кстати, этот пример показывает еще одно обстоятельство. Не только нельзя судить о «Тянь вэнь» по отдельным фрагментам, но нельзя понять ее, не привлекая и «Лисао». Так, в «Лисао» встречаются вполне благожелательные отзывы о тех героях, которых М. Е. Кравцова полагает конфуцианскими. Например, среди значимых, сакральных мест, которые решает посетить Цюй Юань (приказав (!) Си-хэ подхлестнуть скакунов), упоминается и гора Цаньбу – место погребения Шуня (Кравцова 1994: 141).

Следующая, и очень интересная мифологема звучит следующим образом:

*И какова величина
Змеи, глотающей слона?..*

Сюжет о змее, которая глотает слона, тоже весьма диагностичен. На самом деле, в источниках, восходящих опять-таки к чусской субтрадиции, она встречается как Длинный Змей, который заглатывал слона, переваривал его три года, а потом выплевывал кости (Хуайнаньцзы 1954: 118, цитируется по Яншиной 1984: 171). Именно Длинный змей был одним из тех чудовищ, которых убил Стрелок И во время своих подвигов (Яншина 1984: 169).

*Где рыболоды? Птицы где
С когтями тигров?*

Риторические вопросы поэмы, «критикующие», в основном, даосскую картину мира

Добавим теперь к анализу группу вопросов, касающихся мифологем, которые могут быть идентифицированы с даосской идеологией.

*Каков был довременный мир –
Чей может высказать язык?
Кто Твердь и Землю – «Верх» и «Низ»
Без качеств и без форм постиг?*

*«Был древний хаос», – говорят.
Кто четкости добился в нем?
В том, что кружилось и неслоь,
Кто разобрался? Как поймем?*

Возникновение мира из хаоса, как известно, является даосским представлением (ШХЦ 1977: 153).

*Во тьме без дна и без краев
Свет зародился от чего?
Как два начала «инь» и «ян»
Образовали вещество?*

*Все формы – дело «инь» и «ян»,
Без них не статья ничему!
Частицы «ян», покинув плоть,
Как жизнь уносят – не пойму?..*

То же самое можно сказать и об этих отрывках. Частицы Инь и Ян относятся к космогоническим представлениям даосов (Торчинов 2004: 26).

*Как в мерах истинных длины
Путь солнца за день рассчитать?
Умерший месяц, почему
Потом рождается опять?*

*Светло от солнца почему?
Без солнца почему темно?
При поздних звездах, до зари,
Где скромно прячется оно?*

Мифологических «рыболодей», их также можно встретить как «человеко-рыбы», мы относим к группе «чусских» сюжетов, так как они упоминаются в памятнике, восходящем к «южной» субтрадиции (ШХЦ 1977: 35, 56).

Да и в целом, именно вот это стремление к мифологизации мира, к представлению о реальности фантастических существ и людей полагается отличием традиции Чу и восходящего к ней даосизма от традиции Чжоу, и, соответственно, конфуцианского видения мира.

Таким образом, уже из предложенных цитат видно, что автором «оспариваются» весьма известные и распространенные чусские мифологические сюжеты. Это уже может служить доказательством о том, что поэма отнюдь не является антиконфуцианской.

Последние строфы похожи на обращение к «общефилософским» размышлениям о законах мира. Но нельзя не отметить, что в даосской философии присутствовала и занимала важное место культурологема дня, то есть восприятие человеком окружающей действительности через парадигму дневного цикла. Появляются и соответствующие мифологеми о смерти и воскрешении солнца, идеи бессмертия (Кравцова 2003: 232).

*Страна бессмертных где? И что
Всего милей им на земле?*

*Как черепахи три спуют
По дну, а горы не качнет? -
Качнет, когда на черепах
Лун-бо охотиться начнет?*

В этих отрывках речь идет о «варианте даосского рая, где живут сонмы бессмертных (Рифтин 1991: 658). Эта мифологема о трех мифических горах Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу, которые плавали в море. На них жили бессмертные. Чтобы горы далеко не сносило, три черепахи поддерживали их под водой (Юань Кэ 1965: Гл. 2. П.6).

*Летают клином журавли, -
Кто строит их выводит ввысь?*

В китайской мифологической традиции, как и в искусстве, птица журавль является одним из воплощений долголетия (Иванов, Топоров 1992: 349). А, как известно, идеи долголетия, бесконечного продления человеческой жизни являются одними из центральных даосских доктрин (Торчинов 2004: 20-21).

Итак, здесь мы обнаруживаем большое количество вопросов, «ставящих под сомнение» исконно даосские представления об устройстве мира. Автор поэмы «критикует» не толь-

ко догмы противника, но и свои собственные.

Поэтому, по нашему мнению, неправомерным является утверждение об антиконфуцианской направленности поэмы. Возможно, как считал Б. Рифтин, поэма Цюй Юаня ставит под сомнение мифологическое происхождение мира (Рифтин http://www.dragon-nest.ru/def/china_myth12.php), действия и поступки героев, которые, по мнению автора, являются неправдоподобными или неверными.

Но, скорее всего, поэму Цюй Юаня правильнее называть философскими размышлениями о мире, его законах, и тех объяснениях мира, которые предлагались. И мы не случайно выше в связи с анализом поэмы берем в кавычки слова «критикует» и их синонимы. На наш взгляд, автор возможно, и полемизирует с теми мифологемами, которые используются в «Тянь Вэнь». Но значит ли это, что он считает эти мифологеми беспардонной выдумкой и сомневается в их реальности?

Суть в том, на наш взгляд, что Цюй Юань ни с кем не спорит. Он — «задумывается». Как устроен мир? Почему так, а не иначе? Почему мир несправедлив? Поэтому, это философская поэма. И ее можно сравнить, например, с «Вавилонской теодицеей». Это еще очевидней, если добавить к анализу и «Лисао». В «Лисао» жалоба на несправедливость мира проходит красной нитью через всю поэму. Преуспевают льстецы и карьеристы, а Цюй Юань — чужой в этом мире. Появление же поэм, подобных «Тянь Вэнь», «Лисао» и «Вавилонской теодицеей», вполне объяснимо, исходя из понимания общих законов развития человечества (Романчук 2006: 428). И, в частности, вполне соответствует тем идеологическим изменениям, которые Карл Ясперс обозначил как «осевое время».

Именно поэтому, на наш взгляд, поэма «Тянь Вэнь» тоже не свидетельствует о «чжоуском» происхождении Стрелка И.

Литература

- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1992. Птицы // Мифы народов мира. М., Т.II
- Кравцова М.Е. 1994 Поэзия Древнего Китая. Опыт культурологического анализа. СПб.
- Кравцова М.Е. 2003. История культуры Китая. СПб.
- Рифтин Б.Л. Изучение китайской мифологии и книга профессора Юань Кэ // http://www.dragon-nest.ru/def/china_myth12.php
- Рифтин Б.Л. 1991а. Китайская мифология // Мифы народов мира, М., Т.I.
- Рифтин Б.Л. 1992. Куньлунь // Мифы народов мира, М., Т.II.
- Романчук. 2006. Время человека: заметки к демографической теории истории // Stratum plus. №2. Кишинёв-СПб.
- Романчук А.А., Пантелеева Е.Б. 2007. Древнекитайский миф о Стрелке И: Чу или Чжоу? // Stratum plus. №2. 2005-2006. Кишинёв-СПб. (в печати).
- Романчук А.А., Пантелеева Е.Б. 2007а. Стрелок И и миф о сбивании солнц // Материалы научной конференции IV Торчиновских чтений, СПбГУ, 9-12 февраля 2007. СПб. (в печати).
- Торчинов Е.А. 2004. Даосские практики. СПб.
- Шань Хай Цзин. 1977. М. (в пер. Э.М.Яншиной).
- Юань Кэ. 1965. Мифы Древнего Китая. М.
- Яншина Э.М. 1984. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.